

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ МАССР В КАДРОВОЙ ПОЛИТИКЕ ТОТАЛИТАРИЗМА

Людмила БУРМЕНКО¹

THE INTELLECTUALS IN MASSR IN THE PERSONNEL POLICY OF TOTALITARIANISM

Some aspects of personnel policy of totalitarianism are developed in this article. The author gives details about the difficulties that MASSR experienced in personnel matters. The role of the intellectuals is particularly noted in the national-state building of the autonomy in class-struggle conditions and constant threat to be charged with nationalism.

Keywords: totalitarianism, intellectuals, personnel policy, class-struggle, nationalism, MASSR, Soviet Union.

Обращаясь к истории реализации в МАССР планов национально-государственного строительства, необходимо отметить, что автономия оказалась в ситуации, полной внутренних противоречий. Прежде всего, речь шла об острой потребности автономии в кадрах, которые были нужны для формулирования и осуществления первоочередных задач социально-политического и экономического строительства. Не был достаточно ясен подход и в отношении национальной политики, поскольку существовали две принципиальные точки зрения на характер ее осуществления и перспективные задачи МАССР (станет она аванпостом коммунистического движения с нацеленностью на королевскую Румынию или будет только исполнять роль политического магнита для Бессарабии).

Распространение на молдаван Приднестровья национальной политики советского государства периода становления тоталитаризма происходило в форме постоянного стимулирования ускоренного культурного развития, столь важного для решения политических и экономических проблем стра-

ны. Ведь МАССР, наряду с другими республиками, предстояло включиться в реализацию планов центра по индустриализации и в другие государственные кампании. Однако, из-за ярко выраженной сельскохозяйственной специфики и внушительного количества неграмотных (т.е. неквалифицированных) рабочих рук, автономия не была способна обеспечить себя необходимыми кадрами даже на первом этапе. Реализовывать политическую задачу – демонстрацию лидерского положения титульного этноса в МАССР также не представлялось возможным, поскольку в большинстве молдаване Левобережья были также неграмотны, жили в селах и занимались сельским хозяйством. Очевидно, что для того, чтобы вырастить свою «рабоче-крестьянскую» интеллигенцию, было нужно время и создание особых условий. Для этого в 1923 г. партией была провозглашена политика «коренизации», которая представляла собой на практике выдвижение в республиках наиболее способных и преданных власти местных национальных кадров на руководящую работу. Обеспечивать

¹ Людмила БУРМЕНКО, преподаватель Тираспольского государственного университета.

же качество их деятельности должны были «буржуазные» специалисты.

Избрав собственный путь модернизации государства, советская власть вынуждена была опереться на интеллигенцию старой школы, которая всегда воспринималась ею как носитель нравственных основ «царизма». Но при этом партия с первых дней учила относиться к человеку в зависимости от его классовой принадлежности и с учетом его потенциальной опасности для нового общества. Ключевым положением государственной идеологии становилась сталинская теория «перманентного обострения» классовой борьбы. Выступая 19 мая 1928 г. на VIII съезде ВЛКСМ, Сталин заявил: «Неверно, что у нас нет классовых врагов, что они побиты и ликвидированы. Нет, товарищи, наши классовые враги существуют. И не только существуют, но и растут...» [22]. Одной из важнейших задач становилось создание в обществе представления о внутренних врагах, действующих и, особенно, потенциальных. СССР постепенно обретал сущность «осажденной крепости», окруженной неприятелем, который через свою агентуру и «пятую колонну» намерен разрушить страну. Враги народа могли оказаться повсюду: в партийном, советском аппаратах, хозяйственных организациях, в РККА, вузах...

Но для решения реальных проблем нельзя было обойтись без знаний и опыта «классово чуждых» специалистов, а для новой власти, как известно, было нравственно все, что служит ее интересам. Значит можно временно отступить от своих моральных принципов. Интеллигенция на конкретном этапе продвижения к осуществлению государственных планов воспринималась как явление временное «попучки»,

с которыми «еще лет 15 придется работать» [21]. Эти пятнадцать лет были нужны для того, что бы воспитать свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию.

Политическому руководству МАССР, в этих условиях, помимо прямых задач, приходилось выполнять все распоряжения, связанные с поиском потенциальных врагов. Молдавскому областному комитету (Молдобкому) органами КП(б)У «спускались» директивы, указания и распоряжения центральной власти, обязательные для исполнения. Кампании по выявлению врагов подготавливались заранее. В МАССР (как и по всему СССР) каждый гражданин, заполняя «Личный листок по учету кадров», должен был подробно ответить в 14 и 26 графах: «Были ли колебания в проведении линии партии и участвовал ли в оппозициях (каких, когда)»; «Служил ли в войсках или учреждениях белых правительств» [23]. При составлении списков подозрительных, в Одессе, например, решили во время «изысканий» в партийных архивах, разбить реестр на несколько граф: указание на старые ошибки; местонахождение, род занятий и поведение на данный момент; рекомендация «изолировать» или применить другие санкции.

Рекомендовалось брать под подозрение всех коммунистов, которые когда-либо выступали против генеральной линии и вождя. Все это происходило в условиях, когда каждый дельный служащий был жизненно необходим автономии. В «Отчете о чистке низового Советского аппарата в МАССР» 1929 г. были представлены данные по национальному составу служащих: 5,4% – молдаван; 39,6% – украинцев; 2,4% – русских; 25,5 % – евреев; 6 % – прочих [1]. «...На 15/IV проверено по 11 районам 4 847 человек, из них выбран-

ных 588. Снято 330 человек или 7,78 %... Специалистов – 16 человек...» [2].

Учитывая, что большой массив источников по МАССР был утрачен, существует небольшая надежда узнать, за что был «вычищен» из партии и из советского аппарата один из основателей и первый председатель колхоза «Красный интенсивник» Борис Дмитриевич Христодуло-Финити [12], уроженец г.Измаила. По происхождению – дворянин, участник коллективизации, он во время голода раздал хлеб из колхозного закрома. Кем он стал для власти: вредителем; партийцем, отступившим от линии партии; антисоветчиком, срывавшим кампанию по отъему хлеба у крестьян или просто «социально-чуждым элементом», показавшим свое истинное лицо?

Обратимся еще к одному противоречию: МАССР должна была стать одним из примеров перспективности создаваемого социалистического будущего для территорий, которые политическое руководство планировало вернуть, воссоздав прежние границы Российской Империи и, соответственно, некое геополитическое положение. «Реинкорпорация Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики и Бессарабии имели не только «геополитическое значение, но и политико-идеологический смысл. Москва получала реальную возможность доказать всему миру, и в первую очередь великим державам, что историческая правда – на ее стороне и что границы ее имперских владений незыблемы» [8]. А до этого события необходимо было продемонстрировать (хотя бы формально) успехи в национально-культурном развитии МАССР. Счастливая будущность молдаван должна была быть очевидна, то есть были необходимы весомые ре-

зультаты. Парадокс заключался в том, что именно устремления (успехи или провалы) в национально-культурном строительстве одновременно могли стать поводом для репрессий, поскольку Сталиным была уже введена трактовка понятия «национал-уклонизм», которая придавала им особый преступный смысл. Опасный опыт самостоятельности, приобретенный многими регионами, прежде входившими в состав Российской Империи в период гражданской войны, (по мнению вождя) мог побуждать их к сепаратизму в будущем. Исходя из концепции усиления классовой борьбы по мере приближения к социализму, Сталин приписывал «правым уклонистам» стремление в реставрации капитализма в СССР, а «национал-уклонистам» – смыкание с интервенционистами, ставившими своей целью расчленение СССР и восстановление эксплуататорского строя. Опасность местного национализма Сталин видел в том, что «он культивирует буржуазный национализм, ослабляет единство трудящихся народов СССР и играет на руку интервенционистам... Задача партии состоит в том, чтобы вести решительную борьбу с этим уклоном и обеспечить условия, необходимые для интернационального воспитания трудящихся масс народов СССР» [29]. В 1926–1928 гг. уже были разгромлены «правые националисты» Казахстана, Узбекистана, Армении, которых обвинили в выпячивании особенностей своих этносов, стремлении расширить суверенитет в решении внутренних дел. Под понятие «национал-уклонизма» подводились любые действия политического руководства республик и автономий, в которых усматривались преувеличение значения отдельных национальностей или ре-

цидивы великорусского шовинизма. Таким образом, помимо пресловутого образа классового врага, возник образ врага-националиста, зачастую совмещавший оба образа воедино. Стоит ли пояснять, что национальная интеллигенция подпадала под подобную категорию врагов власти без всяких сомнений.

В 1923–1932 годах, по замыслу политической власти, политика коренизации в национальных республиках должна была способствовать появлению новой этнической элиты рабоче-крестьянского происхождения, интеллигенции, советской по самосознанию, на которую могло бы опереться политическое руководство СССР. МАССР была включена в этот процесс наряду с другими республиками, и так же, как все они, столкнулась с многими проблемами. Еще в 1925 году в «Общих выводах по информационному отчету Областкома» говорилось о главных недостатках, мешающих проведению национальной политики: «1) малое количество коммунистов молдаван... 2) ничтожное количество молдавской интеллигенции...» [24].

В «Тезисах по докладу на IV Молдпартконференции» 1927 г. прослеживается развитие ситуации: «В результате хозяйственного и культурного роста МАССР растет и молодая молдавская интеллигенция. Она должна помочь нам в деле ускорения национального строительства, собирания всех имеющих у молдавского народа бытовых, культурных ценностей, наконец, в развитие молдавского языка, литературы, поэзии, театра и в поднятии культурного уровня молдавских трудящихся масс. Привлечение к работе уже имеющейся, крайне малочисленной, молдавской интеллигенции и всемерное

содействие росту и развитию новой интеллигенции из ряда молдавского батрачества и бедняцко-средняцких групп села – является одним из серьезнейших моментов проведения национальной политики. В связи с этим стоит первостепенная проблема объединить молдавскую интеллигенцию вокруг стоящих перед нами задач, воспитать ее в духе ленинизма и вовлечь в активное строительство социализма...» [4].

Для реализации аналогичных задач по украинизации в УССР, к примеру, было даже позволено привлекать западноукраинскую интеллигенцию (галичан), которая ради блага украинской нации готова была работать даже в условиях «советской украинизации» [10]. Вопреки ожиданиям, на практике выходило, что предложенная политика далеко не стабилизирует обстановку на местах, а напротив, вызывает сопротивление и нескрываемое недовольство нетитульных этносов. И УССР и МАССР были многонациональными республиками и, в основном, ведущую роль в них играли те, кого намеревались подвергнуть «украинизации» или «молдовенизации». Сохранился проект статьи П.Киора «Национальный вопрос на Молдавии», в которой он написал о молдовенизации следующее: «Научились молдавскому языку лишь единицы, серьезно относившиеся к изучению языка и работавшие над собою... Основная же масса, проходившая изучение с перебоями, с пропусками, несерьезно относившихся, подчас злобно к изучению непонятого им языка – мало что приобрели, кроме бессвязного понимания отдельных слов... Мы имеем полное право, мне кажется, требовать от служащих, проходящих за счет го-

сударства 2 года изучение молдавского языка, если не знание (что очень трудно за 2 года), то хотя бы понимание письма и живой речи...» [5]. Бывали и случаи, когда специалист мог работать на молдавском языке, но отказывался. В отчете ректора Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы за 1932–1933 г. указано: «В текущем учебном году диамат на II курсе III-х г/отд. (т. ОЧИНСКИЙ) и История Молдавии – на всех группах (тов. БОГРОВ) – были прочитаны... на русском языке, хотя упомянутые т.т. – могущие вести преподавание на молд. яз. – отказались преподавать на молд. яз., мотивируя отказ, что им легче работать на русском языке...» [25]. По всем имеющимся данным, основной штат бюрократического аппарата, профессорско-преподавательский состав вузов, инженерно-техническая интеллигенция были русскоязычными в большинстве.

Напряжение в кадровом вопросе не спадало, отсутствие специалистов ощущалось все острее. И в Харькове и в Балте при практическом проведении национальной политики пытались сделать все возможное, чтобы в короткие сроки найти и привлечь к работе всех, кто владеет украинским и молдавским языками, особенно среди членов партии. Для этого второй секретарь ЦК КП(б)У Д.З. Лебедь призывал комиссию Политбюро ЦК КП(б)У «взять на учет всех членов партии, говорящих на украинском языке, и членов партии – коренных украинцев... выяснить указанных работников, говорящих на украинском языке, отозванных и откомандированных на территории других республик...» [11]. Молдавский обком КП(б)У в письме Организационному отделу КП(б)У просил «при посылке мобилизованных работников

в МАССР учесть их знание молдавского языка» [3]. Однако возникали ситуации, в которых даже обращение главы Молдобкома не могло способствовать тому, чтобы республика приобрела столь необходимые ей кадры. Так, в июле 1929 г. на просьбу оставить выпускницу Ленинградского комвуза Максимову (уроженку Бессарабии, владевшую молдавским языком), был получен ответ Ленинградского обкома: «...согласно разверстки ЦК ВКП(б) Т<оварищ>. Максимова оставлена для работы в Ленинградской области и поэтому откомандирована в Ваше распоряжение не может быть» [6].

Кадровый голод, особенно в 1920–1930-е годы, к тому же способствовал миграции специалистов разных национальностей. В МАССР, например, только в начале 1930-х годов, было направлено 367 человек из Российской Федерации, Украины, Кабардино-Балкарии, Туркестана и других мест. Всем им, помимо основных обязанностей, нужно было осваивать молдавский язык. При таком положении дел на всевозможные комсомольские стройки и прочие «фронты индустриализации» из МАССР выезжала молодежь: в 1930–1931 гг.: на стройки Днепрогэса – 500; Донбасса – 750; Днепростали – 200 молодых людей [7]. Это было в стиле сталинского руководства – с одной стороны, поощрять развитие этносов, и тут же делать все возможное для отрыва людей от родных мест.

Развитие национальных культур в условиях тоталитаризма всегда находилось в состоянии балансирования, когда один шаг мог привести к обвинению в национализме. Сталин в своих выступлениях на XVI и XVII съездах ВКП(б) связывал теорию обострения классовой борьбы с обострением на-

циональных тренировок, а уклоны в партии с великодержавным шовинизмом или местным национализмом. Такая установка вождя провоцировала погромы тех элементов общества, которые будто бы препятствовали продвижению к социализму. Национальное начало рассматривалось «как важнейшее препятствие на пути интернационального единения народов на принципах классовой солидарности и классовой борьбы» [16]. Социокультурная программа была основана на систематической идеологической обработке, большевизации и советизации всех аспектов жизни.

В случае УССР центральное руководство постоянно испытывало некоторую тревогу, и уже в 1926 г. заметно обеспокоилось в связи с деятельностью, развернутой наркомом просвещения Шумским в области украинизации, главной задачей которой он считал недопущение влияния на пролетариат со стороны буржуазной интеллигенции. Дело дошло до личного вмешательства Сталина, обратившегося с письмом Л.М.Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У с письмом о «теневых сторонах украинизации»: «Тов. Шумский не видит, что при слабости коренных коммунистических кадров на Украине это движение, возглавляемое сплошь и рядом некоммунистической интеллигенцией, может принять местами характер борьбы за отчужденность украинской культуры и ответственности от культуры и общественности общесоветской, характер борьбы против «Москвы» вообще, против русских вообще, против русской культуры и ее высшего достижения – ленинизма» [11]. В результате А.Я.Шумского на посту сменил Н.А.Скрыпник, а в политический обиход вошло понятие

«шумщина» как обозначение уклона в сторону буржуазного национализма. В МАССР, входившей в состав УССР (и в общем с ней темпе проводившей коренизацию, украинизацию и молдовенизацию) от перспективы приобщения к такому политическому перегибу сразу отмежевались. Утверждалось, что подобного в автономии быть не может и, по мнению П.Киора: «...в наших молдавских условиях мы имеем большой исторический козырь. Дело развития молдавской культуры попало сразу в руки отдельных партийцев, которые под руководством Обкома, группируют вокруг себя молдавскую интеллигенцию, комсомольцев, селькоров и т.д. И по сему весьма странно, когда некоторые наши товарищи усматривают в выступлениях партийцев молдаван «Шумщину» и т.д. Фактически же темп молдаванизации так медленен, наши партийцы молдаване даже рта не открывают по вопросам нацполитики, боясь подобного рода обвинений... «Шумщина» у нас не имеет пока никаких социальных и прочих корней. Как известно Шумский стоял за «Западную ориентацию», т.е. за то, против чего мы боремся в молдавских условиях (Румынская ориентация)» [15]. Заметим, что позже (при переходе автономии на латинский алфавит) П. Киору это мнение припомнили, оценив его крайне отрицательно.

С момента образования для МАССР одной из очевидных трудностей был вопрос о том, какой путь развития местной национальной культуры и языка избрать. С одной стороны, создание республики было прямо связано с будущим изменением границ СССР (как выразился И.И. Бадеев в ноябре 1927 г., «стоит вопрос: кто кого, румыны сюда или мы туда»), а, стало быть,

важно сблизить левый и правый берег, приспособив язык молдаван автономии к румынскому языку (позиция «румынизаторов»). С другой стороны, как заявил в мае 1931 г. на пленуме Молдобкома В.П. Затонский (представлявший украинское партийное руководство), нужно «поменьше здесь филологических тонкостей, потому что за этими тонкостями скрывается самая настоящая враждебная идеология», поскольку, «когда Румыния станет советской, в чем мы не сомневаемся, ... этот вопрос разрешится гораздо проще». Он коснулся и языковых проблем в «совершенно аналогичной» МАССР Карельской Республике, где «нашлись многоумные руководители, которые решили, что ввиду малой развитости карельской культуры надо взять финский язык, и на нем строить Карельскую Республику», но финская буржуазная культура развивается «по ту сторону», зачем же карелов «финнизировать»? Затонский даже посетовал: «Мы с товарищем Скрипником полемизуя имели возможность выступать и приводить Вас в пример, а оказалось, что у вас тоже такая история, придется теперь Вам приводить в пример карельское дело...» [14]. Секретарь Молдобкома И.М.Ильинвыразился совершенно определенно: в Советской Молдавии создается молдавская пролетарская культура и «расцвет национальной по форме и социалистической по содержанию культуры является могучим фактором революционирования правобережной Молдавии» [18]. В результате, в МАССР в перспективе обозначились два убедительных повода для борьбы с национализмом: государственных и советских деятелей, писателей, исследователей в дальнейшем обвиняли либо в стремлении отделить

МАССР от СССР, либо в чрезмерном увлечении специфическими чертами и особенностями молдавской нации. По воспоминаниям Г.И.Бучушкана (в 1926 г. был членом президиума ЦИК МАССР, затем наркомом юстиции, научным сотрудником МНК), «с самого начала моей работы в Молдавской Республике я заметил, что основные работники знают друг друга уже давно и делятся на две группировки: бадеевцев и старовцев... Группировка Старого: Старый, Криворуков, Бубновский, Ботев и другие считали, что молдавский язык – не язык, а жаргон, молдаване не имеют своей культуры, а потому нужно ввести в Молдавии румынский язык и культуру... Группировка Бадеева (Галлицкий, Богопольский, Раевич, Холостенко, Россинский и др.) якобы стояла за народный молдавский язык, на самом деле приписывали молдавскому языку то, что ему чуждо, или создавали искусственно слова и пр.» [17]. Периодически преобладала то одна, то другая точка зрения: в конце 20-х годов победу одержали самобытники и политика «молдованизации» активизировалась, однако приоритет был нарушен уже в 1932 г. Новый секретарь Молдобкома И.С.Плачинда-Спорош ознакомил членов бюро с решением ЦК КП(б)У о переходе МАССР на латинский алфавит. Как отметил О.Галущенко, протокол заседания не содержит сведений об обсуждении выступления секретаря, «поскольку дискуссии просто не было». В то время все члены бюро разделяли взгляды самобытников. Единственным аргументом ... было то, что это решение принял ЦК КП(б)У, а значит его надо выполнить [19]. В Постановлении Бюро Молдобкома КП(б)У теперь указывалось: «Латинизация молдавской письменности, которая проводится в

интересах пролетарской революции по обе стороны Днестра – есть следующий этап развития молдавской социалистической по содержанию и национальной по форме культуры» [28]. Иной реакции и быть не могло: к 1933 г. сталинская установка на централизацию власти, беспрекословное подчинение республик решению ЦК ВКП(б) была претворена в жизнь. Пирамидальная вертикаль всеобщего контроля над обществом пронизывала все слои общества через систему партийных структур – союзной, республиканской и далее по областям, автономиям, краям.

Председателем СНК МАССР стал Г.И. Старый, общение с которым еще в мае 1930 г. не одобрялось (председателю областной контрольной комиссии А.Е. Пудову пришлось за это публично отчитываться и уверять, что он не разделяет точку зрения Старого в вопросах национальной политики). «Самобытникам» пришлось подчиниться новой линии, но в большинстве они остались на своих позициях, выполняя партийное решение без особого энтузиазма.

1932–1934 годы выделены особо, поскольку именно в это время национальная политика советского государства была в полной зависимости от внешнеполитической обстановки. Переход от одной графики к другой (от кириллицы к латинице и обратно) был прямо связан с перспективой возвращения Бессарабии в границы СССР. В условиях «напряженного политического состояния» МАССР, вызванного голодом и нарастанием «эмигрантских тенденций», появлением повстанческих групп [30], должна была одновременно проводиться кампания по латинизации. Во многих случаях это означало отбрасывание автономии назад, так

как приходилось начинать обучение заново, ликвидировать неграмотность уже на новой графике, что запутывало и сбивало всех, кто лишь недавно стал грамотным на кириллице. Само это мероприятие было ко всему еще и очень затратным, только по линии Наркомпроса, например, для «обучения молдавского населения новому алфавиту» необходимо было организовать «3 000 школ и кружков с оплатой руководителей в течение 3 мес. по 40 руб.» (360 тысяч рублей). На полную замену старого шрифта на новый в Балтской и Тираспольской типографиях было выделено 2 000 рублей. В 3 000 рублей должны были обойтись «расходы, связанные с переброской новых кадров наборщиков и печатников (подъемные и т.д.)» [26]. Несмотря на все усилия, в 1932–1935 годах партийная организация автономии была вынуждена констатировать провал латинизации в республике. Его связали с откровенным саботажем мероприятий не только на местах, но и в центральном аппарате: «...из 13 полученных «Молдснабсбытом» машинок – 8 используются не по назначению, в них вредительно выброшен латинский шрифт и заменен русским... Бюро Обкома отмечает полную бездеятельность Комитета по молдаванизации, не сумевшего даже уследить за правильным использованием полученных латинских машинок, предназначенных для облегчения молдовенизации аппарата [27]. Известно, что в период перехода сократилось число подписчиков на молдавскую прессу, родители стали определять детей не в молдавские, а в украинские и русские школы. Документацию на всех уровнях предпочитали вести на украинском и русском языках, указывая на неудобство при наличии трех алфавитов.

Сменявшие друг друга секретари Молдобкома то поддерживали самобытников (И.Н. Сирко в 1933 г.), то резко критиковали Молдавский Научный Комитет. Г.О. Булат, приступивший к работе в том же 1933 г., так выразился о ситуации: «Синтаксис кто пишет? Человек, а если этот человек контрреволюционер, то он и пишет контрреволюционную книгу... нужно всю эту сволочь выгнать, укрепить аппарат, повести классовую борьбу, посмотреть, кто учится в вузах... Там есть немало сволочи, которая пролезла туда...» [20]. Практически создалась ситуация, при которой и «самобытники», и «румынизаторы» (особенно после отмены решения о латинском шрифте) могли быть ошельмованы властью как «вредители» или «враги народа» в любой удобный для нее момент, подобно «старой» украинской интеллигенции в 1929–1931 годах. В МАССР, в мае 1938 года, на IV Тираспольской городской партийной конференции в выступлении одного из секретарей Молдобкома прозвучало, что «враги народа, орудовавшие долгое время, как Вам известно, здесь на Молдавии, специально проводили так-называемую латинизацию с целью того, чтобы проводить румынизацию молдавского языка...» [13]. Заигрывать с интеллигенцией власть уже не видела резона, поскольку основную работу – поддержку в сложные времена, и обучение молодежи она выполни-

ла. Главными парадоксами внутренней политики тоталитаризма в СССР стали: сопутствовавшие друг другу осознание необходимости компромиссного сотрудничества с интеллигенцией, и острая «классовая» неприязнь к ней.

Несмотря на скороспелость и отсутствие опыта, молодые специалисты были более надежны и угрозы для системы не представляли. Для нормальной государственной жизнедеятельности было достаточно и небольшого процента старых квалифицированных специалистов для подготовки тех, кто должен был прийти им на смену, и для работы на тех должностях, где полуграмотные «образованцы» справиться бы никак уже не могли. Тоталитарная система предъявляла массовому обществу образ врага, опираясь на самые различные идеологические обоснования: обострение классовой борьбы, национальный уклонизм, происки иностранных разведок. Интеллигенция становилась мишенью в первую очередь, так как на нее списывались все неудачи, сбои и просто провалы кампаний власти. Интеллигенция МАССР, будучи с одной стороны жизненно востребованной в национально-государственном строительстве, с другой стороны была всегда под подозрением как социально чуждая группа, в среде которой могли развиваться идеи ревизионизма, сепаратизма и национализма.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), Фонд 49, опись 1, дело 1478, Л.1–4.
2. Там же.
3. То же самое, Фонд 49, опись 1, дело 1032, л. 45.
4. То же самое, Фонд 49, опись 1, дело 1173, Л.1–2.

5. *To же самое*, Фонд 49, опись 1, дело 1173, л. 15–16.
6. *To же самое*, Фонд 49, опись 1, дело 1514, л. 15.
7. *To же самое*, Фонд 49, опись 1, дело 1931, л. 31.
8. Бенюк В., *Тоталитаризм как реальность: историко-политологическое исследование на примере послевоенной Молдовы*. Кишинев: Молдавский госуниверситет, 1998, с. 191.
9. Борисенок Е., *Феномен советской украинизации в 1920–1930-е годы*. http://fictionbook.ru/author/elena_borisienok/fenomen_sovetskoyi_ukranizacii_1920_1930_godiy/read_online.html?page=0 (посещен 10.05.2013).
10. Борисенок Е., *Феномен советской украинизации в 1920–1930-е годы*. http://fictionbook.ru/author/elena_borisienok/fenomen_sovetskoyi_ukranizacii_1920_1930_godiy/read_online.html?page=0 (посещен 10.05.2013).
11. *Там же*.
12. *Воспоминания о Б.Д. Христодуло-Финити, репрессированного в декабре 1937 г.* ТГОМ, Основной фонд, № 17402, л. 1–4.
13. *Выступление III-го секретаря Молдобкома КП(б)У Зеленчука на IV-ой Тираспольской городской партийной конференции. 15–18 мая 1938 года*. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 297.
14. *Выступление Затонского на Объединенном пленуме Молдобкома КП(б)У и Областной контрольной комиссии 21.05.1931*. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 113–114.
15. *Выступление т. Киора П.И. на IV областной партконференции молдавской организации КП(б)У. 15 ноября 1927 года*. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 70–71.
16. Гаджиев К.С. *Тоталитаризм как феномен XX века*. В: *Вопросы философии*, 1992, № 2, с. 10.
17. Галущенко О.С., *Борьба между румынизаторами и самобытниками в Молдавской АССР (20-е годы)*. В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2002, № 6, с. 68.
18. *To же самое*, *Борьба между румынизаторами и самобытниками в Молдавской АССР (30-е годы)*. В: *Ежегодный исторический альманах Приднестровья*, 2003, № 7, с. 47.
19. *Там же*, с. 48.
20. *Там же*, с. 50.
21. Гольцман А.З. (доклад в Политбюро ЦК РКП (б)), «Об усилении работы в промышленности инженерно-технического персонала» 1924 г. <http://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1002589> (посещен 20.04.2013).
22. Звягинцев В., *Как узаконили беззаконие*. В: *Человек и закон*, 1990, № 1, с. 25.
23. Личный листок по учету кадров Похило Г.Д. Тираспольский Государственный объединенный музей (ТГОМ), Основной фонд, № 1268, л. 1–3.
24. *Общие выводы по информационному отчету Областкома в 1925 году*. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 44–45.
25. Отчет ректора ВКСХИ Престеску Культпропу Молдобкома КП(б)У. 14.12.1933. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 158.
26. План перехода МАССР на латинизированный алфавит Молдобкома КП(б)У. 1931 г. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 129–130.
27. Постановление Бюро Молдобкома КП(б)У об использовании пишущих машинок с латинским шрифтом в республике. 20 октября 1935 года. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S.Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 238.
28. *Там же*, с. 147.
29. Протокол № 11 заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период '30–'40-х и начала '50-х гг. 29.05.1990. <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/67974> (посещен 19.03.2013).
30. Резолюция Бюро Молдобкома по докладу начальника ГПУ о политическом состоянии Молдавии. 29 марта 1932 года. В: *Politica de moldovenizare în R.A.S.S. Moldovenească: culeg. de doc. și materiale*, alcăt. și st.: Argentina Gribincea, Mihai Gribincea, Ion Șișcanu. Chișinău: Civitas, 2004, p. 136.